
Фу Дун подбежал, карабкаясь своим крошечным тельцем к нему на колени, и Мао Сяофэй привычным движением прижал мальчишку к себе. Приподняв его личико за подбородок, он внимательно осмотрел рот ребенка.

Воспаление сошло без следа.

— Придется нам пока пожить под открытым небом, — Сяофэй постарался приободриться; как-никак, теперь он был отцом. — Но как только обоснуемся на новом месте, папка отдаст тебя в школу. Буду зарабатывать, покупать тебе всякие вкусности.

— А мне нравится везде бродить! — Фу Дун захлопал чистыми, как родниковая вода, глазами.

Все дети любят баловаться. Сяофэй с улыбкой ткнул пальцем в пухлую щечку мальчишки.

— Школы тебе всё равно не миновать. Бродяжничеством сыт не будешь. Вот вернемся в Верхнюю Ци — сразу засядешь за книги.

Он уже всё распланировал. Учеба или воинское дело — хоть в чем-то парень должен преуспеть. Сяофэй не хотел, чтобы Фу Дун всю жизнь скитался. Мальчишку с малых лет увезли с родины, заставили кочевать, а потом он и вовсе угодил в лапы к дикарям-варварам. Пора положить конец этим мытарствам. В будущем всё должно быть мирно и благополучно. У Дун-эра вон какой лоб высокий — точно станет ученым мужем.

Сам Сяофэй часто жалел, что ему не довелось выучиться грамоте. В детстве он то и дело прятался под окнами чужих школ, жадно ловя каждое слово учителя. И если наставники обычно смотрели на это сквозь пальцы, то тамошние барчуки так и норовили запустить в него тяжелой чернильницей. Позже приемный отец стал требовать от него больше денег, забот прибавилось, время ушло, и когда Сяофэй пытался читать, буквы просто не лезли в голову, да и недосуг было.

Если подумать, дни, проведенные в поместье князя Аньяна, оказались самым безмятежным временем в его жизни. Князь Янь Нинжун любил напускать на себя утонченность; все его многочисленные фавориты и фаворитки были известными в Шаннани куртизанами, умевшими слагать стихи и вести светские беседы.

А он? Ну умел он искусно вырезать дракона из обычной редьки, и что с того? Разве стал бы Янь Нинжун обсуждать с ним, стоит ли сыпать сахар в яичницу с помидорами?

— Пап, у меня в ухе чешется! Помоги! — звонко закричал Фу Дун.

Сяофэй наклонился, убрал за ухо непослушный кудрявый вихор и принялся осторожно щекотать травинкой в ушной раковине. Мальчишке было так сладко, что он дважды потерял голову о его колени и незаметно уснул.

Сяофэй оглянулся на Сюй Ци. Тот лежал спиной к нему, делая вид, что спит.

Сюй Ци обещал отвести его в какое-то место... Куда же?

Этот человек всегда вызывал у Сяофэя противоречивые чувства. С одной стороны, он не раз искренне защищал его, с другой — пользуясь превосходством в силе, лишал всякого выбора. Вот и сейчас, когда они покидали военный лагерь: Сяофэй-то всего лишь хотел, чтобы Сюй Ци припугнул тех назойливых старикашек, а тот ухватился за возможность и просто увел его прочь из Цинси.

Да и кто вообще такой этот Сюй Ци?

Сяофэй теперь искренне жалел, что никогда не интересовался делами цзянху. Он отлично помнил, как Шаннань то и дело наводняли мрачные люди в бамбуковых шляпах. Они были одеты в глухие дорожные платья, двигались бесшумно, пугая прохожих до икоты, и держали на поясах диковинное оружие. Все они обычно стекались в одну невзрачную лавку. Сяофэй не раз видел ее хозяина: тот сидел у входа на каменной черепахе, лениво обмахиваясь большим веером, а его грязное сморщенное лицо расплывалось в улыбке, похожей на засыхающую хризантему.

Как-то раз этот старик, почесывая подбородок длинными трехдюймовыми ногтями, окинул Сяофэя озадаченным взглядом. И стоило ему окликнуть парня, как тот припустил со всех ног.

Сяофэю сосем не улыбалось пойти на начинку для пирожков. С тех пор он обходил ту лавку за версту, твердо решив, что это притон разбойников. А теперь вот локти кусал: вдруг старик хотел обучить его паре-тройке приемов?

Еще до полудня Сяофэй разбудил мальчишку и повел его к реке ловить рыбу. Он строго-настрого запретил Фу Дуну отходить от берега дальше чем на метр — страх перед этой рекой всё еще жил в его душе.

— Пап, надо было разбудить того дядю, — ворчал ребенок. — Он бы мигом рыбы набил. Он даже птиц в небе из лука сбивает.

— Пусть спит, — отрезал Сяофэй, вглядываясь в прозрачную воду у берега с наспех выструганной деревянной острогой в руке. — Если бы не он, тебя бы те злые деда уже раз десять выпороли.

— Да я бы и сам сбежал! А без меня он бы тебя вообще не нашел, — упрямо буркнул Дун-эр.

Сяофэй усмехнулся:

— Тише ты! Всю рыбу распугаешь. Раз уж ты у меня такой герой, покажи класс — поймай хоть что-нибудь.

Едва он договорил, как острога молнией вонзилась в воду. Но рыба оказалась проворнее: лишь черная чешуйка осталась на кончике остря. Не видь Сяофэй своими глазами, как промахнулся, решил бы, что это просто грязь.

Он тяжело выдохнул и повернулся к сыну, но тут же опешил:

— Ты что творишь? А ну оденься живо!

Мальчишка к тому моменту успел стянуть с себя всё, кроме штанишек. Проигнорировав окрик, он скинул и их, сверкнул на отца упругими голыми ягодицами и рыбкой нырнул в воду.

Сяофэй даже ахнул от возмущения. Только он собрался приказать сорванцу вылезать, как на поверхности реки забурлили пузыри.

— Мать твоя женщина... Веди себя как приличный житель Верхней Ци! Сколько можно дурить по-варварски?

Мальчик слишком долго прожил среди варваров и мгновенно перенимал их повадки. В лагере его едва не сожгли живьем, вырвали зубы, он перенес тяжелую лихорадку — и вот, едва оправившись, сразу дал волю своим диким инстинктам.

Пока Сяофэй сокрушенно хватался за голову, вода впереди шумно расступилась.

С гладкого личика Дун-эра ручьями стекала вода. В обеих руках он сжимал по бьющейся рыбине, а третью держал прямо в зубах.

Мальчишка поплыл к отцу. Сяофэй подхватил его на руки и так и сел: этот мелкий чертенок ухитрился зажать четвертую рыбу между коленями! В воде он двигался с невероятной грацией, работая руками и ногами так легко, будто родился в реке.

Сяофэй вытащил сына на берег, держа одной рукой за мокрую задницу, и тут зажатая между ног рыбина со всего маху хлестнула его хвостом по щеке.

Сяофэй окаменел.

Фу Дун покатился со смеху, надрывая живот, его личико залилось пунцовым румянцем.

— Ах ты ж паршивец... — Сяофэй не выдержал и тоже рассмеялся.

Еще недавно ребенок угасал на глазах, и Сяофэй не смыкал ночью век, боясь, что тот испустит дух. Видеть его снова живым и полным сил было лучшей наградой. Он вытаскивал этого мальчика из передрыг не для того, чтобы тот страдал.

Когда они вернулись в пещеру, Сюй Ци только-только продирает глаза. С растрепанной шевелюрой он с минуту дико смотрел на вошедших, а затем резко вскочил, подлетел к Сяофэю и сгреб его в охапку, прижав к груди.

— Вы куда, блять, делись? — тяжело дыша, со злостью спросил он.

— Ты чего? — Сяофэй опешил от такого напора и неловко высвободился, толкнув его плечом. Сюй Ци, кажется, и сам понял, что перегнул палку. Он молча отступил назад, наблюдая, как Сяофэй выкладывает на свежие листья четыре вымытые рыбины, нанизанные на стебли травы.

Фу Дун исподлобья наградил Сюй Ци тяжелым, почти звериным взглядом. В дороге Сяофэй не раз замечал этот волчий прищур у сына, но Сюй Ци, разумеется, малолетку не боялся.

— Время к обеду, надо приготовить горячее. Не всё же сухими лепешками давиться, — Сяофэй принялся разводить костер.

Сюй Ци молча стоял рядом, наблюдая за его хлопотами. Внутри у него всё еще клокотало беспокойство. Проснувшись и обнаружив пустоту, он решил, что Сяофэй снова сбежал. Несколько дней безумной скачки без сна и нормальной еды расшатали ему нервы.

Но Сюй Ци привык держать слово.

Рыбу пришлось жарить без масла, лишь слегка присыпав солью. Сяофэю, знавшему толк в еде, было даже немного стыдно за такое скудное блюдо. Впрочем, все трое были зверски голодны, так что обед улетел за милую душу, а Фу Дун умял целых две штуки.

После еды Сяофэй пошел к реке умыться.

Обернувшись, он увидел присевшего неподалеку сына. Насупившись, Сяофэй направился к нему. Заметив приближение отца, Дун-эр поспешно вскочил и виновато опустил голову.

— Все эти варварские привычки забудь, — строго выговорил ему Сяофэй. — В Верхней Ци так себя не ведут.

Мальчик поспешно закивал. Сяофэй сделал пару шагов вперед. Ребенок по привычке порывался опуститься на четвереньки, чтобы бежать за ним со скоростью волка, но сдержался.

Он смешно засеменил на двух ногах, догнал отца и несмело ухватился за его рукав.

Сяофэй едва заметно улыбнулся. Он обернулся, мягко высвободил рукав, но вместо этого крепко сжал теплую, мягкую детскую ладошку в своей руке.

— Папа! — Фу Дун преданно заглянул ему в глаза.

Сяофэй кашлянул, напуская на себя важность:

— Что я тебе только что сказал? Повтори.

Ближе к вечеру, когда пришло время ужина, Сяофэй заметно занервничал. Он то и дело выходил наружу и в конце концов залез на высокое дерево, где просидел добрых полчаса, вглядываясь в горизонт.

Облака медленно таяли в небесах, уносимые ветром. Мир вокруг оставался безмолвным.

Ужин приготовил Сюй Ци. Когда с едой было покончено, он прямо спросил:

— Ты уверен, что Му Цаньшан вернется?

— Обязательно вернется.

Сюй Ци не понимал, откуда в этом трусоватом парне, привыкшем всегда выбирать самый безопасный путь ради спасения собственной шкуры, взялась такая твердая уверенность. Детство, проведенное в сиротстве и вечных отказах, оставило на Сяофэе глубокий след: он не доверял никому и всегда ждал, что его бросят. Единственным исключением был Фу Дун — просто потому, что малыш был слаб и сам нуждался в защите.

— Нам нельзя долго задерживаться на одном месте, — заметил Сюй Ци, испытывая его на прочность. — Никто не гарантирует, что банда Лазурного Дракона не вернется. Я здесь один, а вас двое. Нужно уходить.

Чтобы дать Сяофэю время подумать, он поднялся и пошел к реке — постирать дорожный плащ. С тех пор как он отдал свою единственную чистую одежду Сяофэю, ему приходилось ходить в обносках, а грязь он терпеть не мог.

Когда Сюй Ци вернулся, Сяофэй лишь мельком взглянул на него.

— Выходим завтра на рассвете, — скомандовал Сюй Ци. Он хотел было подтолкнуть Фу Дуна ногой, но почему-то передумал, мягко взял его за плечо и направил к выходу: — Марш мыться.

Сяофэй недовольно нахмурился, но промолчал. После полуденных кувырков в реке стало ясно, что малец плавает лучше любого взрослого, так что излишне опекать его не стоило.

Когда ребенок скрылся из виду, Сюй Ци сбросил мокрую рубаху и сел у костра. Блики пламени плясали на его крепком теле, очерчивая рельефные мышцы плеч и подтянутый живот.

— Если к утру Му Цаньшан не объявится, уходим, — ровно произнес он. — Попадись мы банде Лазурного Дракона, тебе уже не спасти ни того щенка из банды Чёрного Дракона, ни собственного сына. Тот тип с извращенными наклонностями явно равнодушен к детям, так что за мальчишку я бы ломаного гроша не дал.

Сяофэй помрачнел.

Вспомнив, как таинственный незнакомец грязно заигрывал с Шутуном, он вынужден был признать: Сюй Ци чертовски прав.

Сяофэй бросил взгляд на чернеющий зев пещеры, а затем протянул руки к огню, пытаясь согреться.

— Хорошо. Если до утра его не будет — уходим.

В конце концов, Му Цаньшан вел сюда людей за сокровищами. Золото на месте, так что ничего страшного не случится, если они уйдут. К тому же можно оставить метку.

Но на душе у Сяофэя почему-то скребли кошки.

Эта глухая тоска не давала ему уснуть. Он долго ворочался с боку на бок и забылся тяжелым сном лишь глубокой ночью. А среди ночи его бесцеремонно похлопали по щеке. Сяофэй с трудом разлепил веки и уставился на Сюй Ци.

— Подъем. Сюда кто-то идет.

Сердце Сяофэя пропустило удар.

Сюй Ци хотел утянуть его вглубь пещеры, но парень оказался проворнее: он в мгновение ока подскочил к выходу.

— Не надо прятаться! — Сяофэй выглянул наружу. Стук копыт, похожий на частый ритмичный барабанный бой, раздавался всё ближе, отзываясь в его груди радостным трепетом. Парень восторженно просиял, и он обернулся к Сюй Ци: — Это они! Му Цаньшан вернулся!

Спрыгнув с коня, Му Цаньшан широким шагом вошел в пещеру. Не глядя ни на кого вокруг, он устремился прямо к Сяофэю.

Короткий, отчаянный взгляд глаза в глаза — и они крепко, до хруста в костях, обняли друг друга. Сердца обоих колотились так бешено, что этот стук отдавался в груди каждого из них.

— Я вернулся, — выдохнул наконец Му Цаньшан.

Разомкнув объятия, он наткнулся взглядом на стоявшего поодаль Сюй Ци и недовольно нахмурился. Затем окинул взором пригревшегося у костра Фу Дуна, оценил обжитой вид пещеры и спросил:

— А где тот парень с перекошенным лицом? Разве он не должен был защищать тебя? Вы попали в засаду? Было нападение?

Сяофэй только открыл рот, чтобы ответить, как Му Цаньшан резко перебил его:

— Сокровища целы?

Слова застряли у Сяофэя в горле. Он помедлил мгновение, а затем тихо выдавил:

— Да.

— Веди.

Всё, чем Сяофэй так хотел поделиться, все те переживания, что копились в нем эти дни, разом обесценились. Он молча опустил голову и пошел вперед, разгребая сухие ветки и листья, которыми были укрыты сундуки с золотом.

Сюй Ци лишь молча прищурился, наблюдая за происходящим.

Ничего не понимающий Фу Дун подбежал к Сяофэю и крепко обхватил его за ногу.

А Сяофэй с ледяным спокойствием смотрел, как Му Цаньшан отдает приказы своим людям. Прибывшие с ним чиновники тут же принялись составлять опись, усердно внося каждую монету и утварь в реестр. Эта суматоха затянулась почти на два часа.

И всё это время в пещере царил тяжелое, удушливое молчание, прерываемое лишь монотонным бубнежом писцов, подсчитывавших имперское золото.

<http://bllate.org/book/18429/1867071>